

По белому листу под жёлтым фонарём
Царапать о своих правах на первородство...
Похлёбка съедена. Голодное сиротство, -
Им сыт и пьян вполне и вдосталь одарён.

Как будто в поддавки, не дерзновенно вовсе,
Всё глубже проникая, входишь в эту осень,
В обезображенную, жалкую на вид, -
Мы с ней посетуем на то, что-де болит

В глуби темницы дольней, несколько левее,
Иль, может, севернее, если обратить
Лицо к востоку и углубиться в аллеи,
Чтоб там расплакаться и без стыда – бродить.

В глуби темницы ли душа заточена
От пробуждения, от ужаса зачатья?
Сминая формы слов, приличий и печатей,
К неведомому свету тянется она.

Она ль наполнила восторженные строки,
Вскипая, восходя, рассеивая темь.
Она ли остывает, завершая день
И возвращается в исходе на истоки?..

Ноябрь иссякает. Заморозки внятны.
Ужели не отгадет скованная грязь, -
По ней скользю теперь, нестойкий, неприглядный,
И эхо слышно: «Эй! Кто временные – слазь!»

Уходитосень так, что оставляет голой,
Безличной, неприкрытой умершую персть,
Безстыдно не омытой брошенную здесь,
Не прибранной совсем к тоске своей исконной.

Когда бы свысока, от занебесной дали
Нам звёзды тихие, слезясь, не воздыхали,
Когда бы, сжалившись, не выпал завтра снег,
Не переждали б мы покоя луж и рек.

Не в силах вынести без белизны светов,
Без образа горы, изгнавшей свет вечерний,
Молниеносный взгляд из откровенной черни.
И плащанице ли подобен снега кров.